

ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

зуются только капиталисты. «Кандидаты в депутаты,—пишет газета,—так прямо и заявляют: «За нами — миллионы!»

НЬЮ-ЙОРК. Одна из выходящих здесь херстовских газет утверждает, что в Советском Союзе правом быть избранным в Верховный Совет пользуются только капиталисты.

АРГЕНТИНА. Согласно полученным здесь сведениям, местные реакционные круги пришли к полному согласию относительно своего несогласия с согласием, достигнутым на совещании трёх министров в Москве.

НЮРНБЕРГ. У Геринга и прочих подсудимых кончились рождественские каникулы. Что же касается ёлки (осины, сосны или дуба), то это будет потом — по окончании суда.

ЛОНДОН. В финансовых кругах Европы и Америки утверждают, что девальвация Франко

продолжается. Сейчас он уже не стоит ломаного гроша.

РИМ. Как разъясняет папская канцелярия, после разрыва отношений между Японией и Ватиканом аккредитованные при папе японцы перешли на положение его гостей. В связи с тем, что синтоистская религия запрещает японцам именовать папу святейшим отцом, последний разрешил называть себя просто отцом-кормильцем.

НА СТРОГО НАУЧНОЙ ОСНОВЕ

Рис. И. Семёлова

Некоторые английские газеты сообщают, что «изучение» деятельности Мосли и его фашистской шайки продолжается.

— В какой стадии у вас находится борьба с молодчиками Мосли?
— В стадии изучения.

Пух и Прах

Начи с того, что я всегда,
И прошлый год и все года,
Встречал, как водится, в складчину:
По сто целковых за мужнину
И там бутылку или пол-
Чего-нибудь за слабый пол.
Я помню встречи — под зонтики
Мы пили странные напитки
И ели страшный винегрет.
Считались роскошью солёдки,
И не всегда хватало водки,
И не горел в квартире свет.
И на столе шипели свечи
В бумажных чашечках. Вода
Не шла из крана. Но всегда
Милы мне будут эти встречи...
И только в нынешнем году
Я первый раз попал в беду.
Василий Николаич Лужин,
От переизбытка средств и сил,
К себе на новогодний ужин
Вагон народу пригласил.
Ещё у двери, в шубах, в шляпах,
Мы жадно втягивали запахи,
Который будит аппетит
И сок желудка кипятил.
А на столе — в бутылках вина,
В графинах водки всех сортов,
И возле каждого графина
Икра стедальевских цветов.
Давненько гости не видали
Колбас такой величины!
Давненько гости не едали
Такой чудесной ветчины!
Пирог с начинкой из грудки,
Сардельки, шпроты и сардинки...
А поросёнок возлежал
С бумажной георгины в лапы
И грустным взглядом провожал
Свои съеденные части.
Лежали кильки на яйце,
Дрожали яйца в холодце.
И тосты, тосты!.. Всё чин-чином.
И очень хочется мужчинам,
Ускорив мерный ход речей,
За дело взяться горячее.
Уже Скворцов с гомеопатом
Завёл волынку до утра:
Как расщепить на части атом
И сделать бомбу из ядра.
Уже один малолитражный,
Неспиртовой человек,
Имея вид неавантажный,
Внезапно встал «и в путь потек».
Пускай зигзагом, а не прямо,
Но, направленные отыскав,
Он всё же движется упорно
Туда... вперёд... в зеркальный шкаф.
Но, не пройдя и полдороги,
Он рухнул: перед ним возник
Дауносы и четвероногий
Его раздвоенный двойник.
И спать на кожаной кушетке
Уводят пьяного к соседке...

И вдруг в квартире свет потух.
И за окном пропал потух...
И вновь светло... и под часами
Стоит чужой, стоит содой
Старик с огромными усами
И с очень длинной бородой
И говорит: — Не беспокойтесь,
Не сомневайтесь и не бойтесь,
Прошу прощения за приход
В семейный дом без приглашения,
Мол, так и так, — прошу прощения,
Но я не вор, а Старый Год.

Конечно, следовало бы
Спросить у старца документы
И не испытывать судьбы,
Но в жизни пьяных есть моменты,
Когда, наверное, и вам
Случалось простодушной верой
Отвечить на бумажке серой,
А человеческим словам.
Короче: Старый Год сажают
За стол, дают бокал вина
И так усердно ублажают,
Что очень скоро вполпьяна
Папаша поднял стопку тминной
И разразился речью длинной:
Пусть пребывает этот дом
Всегда в достатке и в избытке,
Да не откажут гости в нём
В закуске и в хмельном напитке.
Всё то, что нежито трудом,
Пусть, мол, украсит этот дом
Пристойно и благообразно...
И дальше старый клонит речь
К тому, что следует беречь
Себя от разного соблазна:
Пусть будет, мол, заказан путь
В сей дом позорному разврату.
Мол, не помыслите рвануть,
Как нынче говорят, «по блату».
Пусть не позорит этот дом
Всё, что неправедным путём
В него пришло и в нём таится.
Пусть, мол, всё это превратится,
Как говорится, в пух и прах!

И стопка в старческих руках
Как бы по мановенью жёзла
Чудесным образом исчезла
Под удивлённый возглас: «Ах!»
Хозяин понял — пахнет крахом:
Он ясно видел, нем и глух,
Как стопка разлетелась прахом,
А водка превратилась в пух.
Потом сардельки и сардинки
Существовать перестают
И только белые пушинки
К сухну костюмов пристают.
Один любитель маринада
Всё раньше всех сообразил
И быстро вилку в гриб вонзил,

Но не пикантная прохлада
Гриба, а горьковатый прах
Скрипит у гостя на зубах.
Уже исчезли водка, вина,
Деликатесов половина,
От поросёньей головы
И прочих органов — увы! —
Осталась только георгина.
И даже шкаф зеркальный — трах! —
И превратился в пух и прах,
За ним и пианино — бух! —
И превратилось в прах и пух...
Уже хозяин за бесценно
Всю обстановку продаёт,
Но ни копейки не даёт
Ему никто... И адрут со стенок
Летит хозяйская родня:
Сорвались, вставленные в рамы,
Прабабки, бабушки, папы, мамы
И — на пол, стёклами звеня.

Тут дама с воздусущим носом
К хозяйке подошла с вопросом:
— Я вашу тайну сохраняю...
Я неспособна и вероломству...
Но неужели и родню
Вы достаёте по знакомству?
Ах, до бестактности какой!
Порой доходят наши гости!..
Махнув досадливо рукой,
Хозяйка отвечает: — Гвозди!
Родня у нас, как и всегда,
Но служит дядя в Главгвозде...

А между тем хозяин бедный
Уже давно без пиджака
Стоит растерянный и бледный
И прокликает старика.
И тщетно трепетные руки
Хватают тающие брюки.
И вот уже под стоны дам,
Как новоявленный Адам,
Покрывшись весь гусиной кожей,
Стоит хозяин непригожий.
В его глазах и стыд и злость,
А тут вернулся от соседки
Тот самый захмелевший гость.
Его сам чорт спихнул с кушетки,
Внушив, что самая пора
Кричать хозяину «ура».
«Ура!» — кричит он, что есть духу,
И тут же наглотецелся пуху.

А гости к выходу идут.
Глядят на вешалку со страхом.
Но всё в порядке — шубы тут,
И ни одна не стала прахом.
И все ушли. И Старый Год
Уходит через чёрный ход,
Пробормотав перед уходом:
— Ну, что ж, хозяин, с Новым Годом!

Михаил ВОЛЬПИН

Чуткий товарищ

ЧУДЕСА БАЛАНСА

Рис. Л. Соффертиса

РАЗДАЛСЯ резкий, требовательный звонок. Секретарша Фелицата Анатольевна нервно вздрогнула, строго посмотрела на граждан, ожидавших приёма, как бы приглашая их подняться, и скрылась за массивной дверью кабинета с лаконической надписью: «Н. П. Хромаев».

Н. П. Хромаев сидел за письменным столом. На его высоком — от прежнеевременной и весьма удачно расположенной лысины — челе опытная Фелицата сразу заметила печать глубокой озабоченности.

— Можно начинать приём, Николай Павлович? — вкрадчиво спросила секретарша.

— Обождите немного, — сказал Н. П. Хромаев, — у меня только что родилась одна идея, мне нужны кое-какие сведения... Скажите, как у нас обстоит дело... с чуткостью?

— С чуткостью? — испугалась Фелицата. — У нас ничего такого нет, Николай Павлович!

— Очень плохо, если в нашем учреждении нет чуткости. В печати каждый день пишут про чуткость, а у нас её, оказывается, нет!

— Я... не в том смысле, Николай Павлович!.. По-моему, у нас нету... нарушений и искривлений!..

— Вы уверены в этом?

— За себя лично я отвечаю, Николай Павлович, — поправила осторожная Фелицата, — я, лично, чуткая... Но, конечно, в других звеньях... Там могут быть... всякие такие... отклонения...

— Вот видите! А если завтра к нам придут и спросят, как у нас обстоит дело с чуткостью? Что мы с вами будем... лепетать? Необходимо этот вопрос уточнить. Мне нужны соответствующие материалы! Ну-ка, давайте сюда список сотрудников!

— А как быть с приёмом, Николай Павлович?

— Много их там?

— Не очень. Но всё-таки есть.

— Спокойные?

— Сегодня смиренные. Один только такой... всё на часы поглядывает...

— Ничего, обождёт... Несите скорей список! Фелицата скрылась и через пять минут появилась снова со списком сотрудников в руках.

— Так-с! — сказал Н. П. Хромаев, — Ну что же, начнём, пожалуй. Садитесь, берите карандаш и пишите. Ниже поименованных сотрудников вверенного мне учреждения считать чуткими товарищами... Дасеточне... Ну-с, значит, запишите Петухова и Бутяна как моих заместителей... Записали?

— Записала! — откликнулась Фелицата и догадливо прибавила: — Теперь начальников отделов писать, Николай Павлович?

— Правильно! Пишите начальников отделов. Усердно скрипя пером, секретарша стала вносить в список чутких фамилии начальников отделов.

За дверью раздался какой-то стук и грозный шум голосов.

— Что там такое? — спросил Н. П. Хромаев.

— Этот, наверное, волнуется... который на часы смотрит.

— Какой нетерпеливый! Теперь заведующих секторами пишите... Тут же и себя можете поместить...

— Спасибо! — вспыхнув сказала Фелицата. — Я, Николай Павлович, Зиночку тоже сюда вставляю.

— Какую Зиночку?

— Помните, она меня как-то заменяла? Бывшая Петуховская секретарша, а сейчас она в отделе рам и дверей. Хорошенькая такая. Она недавно замуж вышла, ей будет приятно, что её отметили.

— Хорошо, вставляйте сюда и вашу Зиночку!

— Предместкома я тоже в список чутких внесу, Николай Павлович?

— Обязательно. А то он очень обидчивый. Ну-ка, дайте сюда список. Посмотрим, что получилось.

Н. П. Хромаев взял из рук Фелицаты список чутких товарищей и стал сличать его со списком сотрудников.

Эквилибристка Вероника Званцева на проволоке.

Она же на тротуаре.

— Так! — сказал он с некоторой растерянностью в голосе. — Получается, что у нас, так сказать, почти все чуткие. Хотя вот тут какой-то Барабанов у нас числится. Кто он такой, Барабанов?

— Это наш гардеробщик, Николай Павлович.

— А он чуткий?

Фелицата задумалась:

— Как вам сказать, Николай Павлович. Ко мне поступили сигналы, что он не справляется с калошами. Третьего дня, например, правую калошу Левковича он подал Бунтику, а левую Бунтика — Петухову...

— Пишите, как его, в нечуткие! Ведь он не только с аппаратом общается, но и с посетителями. Надо, надо подтянуть Барабанова...

Фелицата с удовольствием внесла гардеробщика Барабанова в список нечутких.

— Ещё кто у нас нечуткий? — спросил Н. П. Хромаев.

— Давайте сюда Пальчикова запишем! — вдруг хитро сказала секретарша.

— Какого Пальчикова?

— Счетовода из бухгалтерии. Он, Николай

Павлович, участвует от месткома в распределении ордеров. И часто проявляет нечуткость. Например ко мне мама приезжала из Бузулука, я просила, чтобы ей дали полушерстяное платье, — Пальчиков проявил нечуткость — и маме ничего не дали...

— Можете записать Пальчикова, — милостиво согласился Н. П. Хромаев, — поскольку имеются жалобы. Ещё кого запишем в нечуткие?

Начальник и секретарша устремили взгляды в потолок и стали думать. Но тут дверь распахнулась и в кабинет вошёл человек в ватнике.

— Будет в конце концов приём или не будет? — надрывис спросил человек в ватнике. — Два часа с лишним люди ждут за дверью, а вы тут бумагу портите?!

— Прошу вас оставить кабинет! — металлическим голосом сказал Н. П. Хромаев. — Приём переносится на завтра.

— Позвольте, товарищ Хромаев! — завопил человек в ватнике. — У меня же срочное дело!.. Я из-за города приехал! Надо же быть чутким!

— Надо! — твёрдо сказал Н. П. Хромаев. — Для этого мы и «портим здесь бумагу», как вы изволили выразиться. Потрудитесь оставить мой кабинет!

Человек в ватнике поднял крик, но Фелицата, храбро наступая на него, быстро вытеснила его за дверь, назад в приёмную.

Затем она вернулась в кабинет, чтобы окончательно уточнить с Н. П. Хромаевым вопрос о чуткости и отшлифовать список чутких и нечутких сотрудников. Ведь действительно могут же прийти и... спросить?

Леонид ЛЕНЧ

Старуха, дверь закрой!

(Английская народная баллада)

Под праздник, под Мартынов день,
Пред тем, как на ночь лечь,
Хозяйка жарить принялась,
Варить, тушить и печь.
Стояла осень на дворе,
И ветер дул сырой,
Старик старухе говорит:
— Старуха, дверь закрой!
— Мне только дверь и закрывать,
Другого дела нет!
По мне пускай она стоит
Открытой сотню лет!
Так без конца между собой
Вели супруги спор,
Пока старик не предложил
Старухе уговор:
— Давай, старуха, помолчим.
А кто откроет рот
И первый вымолвит словцо,
Тот двери и заперёт!
Проходит час, за ним — другой.
Хозяйка молчит.
Давно в печи погас огонь,
В углу часы стучат.
Вот бьют часы двенадцать раз,
А дверь не заперта.
Два незнакомца входят в дом,
А в доме темнота.
— А ну-ка, гости говорят,
Кто в домике живёт?
Молчат старуха и старик,
Воды набрали в рот.
Ночные гости из печи
Берут по пирогу,
И потроха, и петуха.
Хозяйка — ни гу-гу.
Нашли табак у старика:
— Хороший табачок!
Из бочки выпили пива.
Хозяйка — молчок.
Всё взяли гости, что могли,
И вышли за порог.
Идут двором и говорят:
— Сырой у них пирог!
А им вослед старуха: — Нет!
Пирог мой не сырой!
Ей из угла старик в ответ:
— Старуха, дверь закрой!

С. МАРШАК

Трафареткин

НА ОЗАБОЧЕННОЕ лицо тов. Трафареткина, редактора газеты «За штамп», легла ещё одна тень.

— Кто сострипал эту галиматью? — спросил он секретаря, сердито размахивая свеженькой рукописью.

— Сухоручкин, — ответил секретарь.

— Я так и знал. Его стиль можно узнать

за версту. Позовите ко мне этого гниального публициста. А, кстати, захватите сюда и Воронова.

Сухоручкин и Воронов предстали перед редактором.

— Вы чего хотите, милый Сухоручкин? — с подчёркнутой ласковостью спросил его Трафареткин.

— Ничего я не хочу! — гениально и убедительно заявил Сухоручкин.

— Нет, вы чего-то хотите, — ещё более нежно произнёс редактор.

— Не знаю, право...

— А я знаю! — голос Трафареткина зазвучал, как колокол, возвещающий в нем о пожаре. — Я знаю, чего вы хотите. Вы, Сухоручкин, хотите, чтоб в центральной газете появился о нас обзор под заголовком «Язык мой — враг мой». А, может, вас больше устраивает заголовок «Люди с суконным языком»? А?.. Вот я сейчас оглашу ваше высокохудожественное произведение. Конечно, тут требуется лауреат художественного конкурса. Но обойдёмся своими силами. Читаю:

«Мы должны, засучив рукава, драться за окружение вниманием и повседневной заботой по линии коммунального обслуживания населения нашего города.

На сегодняшний день мы имеем в отдельных звеньях некоторых райсоветов некоторое недопонимание некоторых вопросов благоустройства, каковое необходимо поднять на необычайную высоту.

Преодолевая все преграды, мы со всей энергией и прямотой, опираясь на массы, будем всемерно крепить чистоту и порядок на всех участках поставленных перед нами грандиозных задач.

Даннем вперёд дело обслуживания, в каковом ещё наблюдается наряду с целым рядом достижений и целый ряд некоторых недочётов.

— Вот и всё! — Трафареткин по-театральному раскланялся. — Почему не аплодируете, Сухоручкин? А?.. Но давайте серьёзно поговорим. Так дальше продолжаться не может. Пора решительно покончить со всеми этими «клаковыми» и «таковыми». И печого, засучив ру-

кава, драться. С кем это вы задумали драться, Сухоручкин? А?.. Вот что. Идите и переработайте асю заметку от начала до конца. А вы, Воронов, помогите ему. Вы же когда-то, когда мы ещё печатали фельетоны, любили щеголять всякими этакиими... метаморфозами и метафорами.

Минут через тридцать Сухоручкин и Воронов принесли редактору новый, исправленный вариант.

— А ну-ка, почитаем. Посмотрим, что у вас получилось. Посмотрим:

«Внимание к нуждам населения! Сколько прекрасных резолюций было принято городским советом по этому вопросу! Но, как сказал поэт: «Суждены нам благие порывы, а осуществить не дано».

Заведующий отделом благоустройства тов. Куропаткин не занимается своим прямым делом: тротуары не ремонтируются, улицы искалечены ухабами и рытвинами.

Пора очистить город от мусора. Пора навести порядок на улицах и дворах.

Зареченский райсовет за последние дни очистил от снега и льда все тротуары и мостовые, исправил уличное освещение и тщательно отремонтировал водопровод. Вот у кого должны взять пример остальные районы нашего города».

— Прекрасно... Хорошо... Неплохо... Ещё не то, что нам нужно, но уже того-с... Вот это и напечатать. Малость, конечно, исправим и дадим в набор.

Вот в первом абзаце насчёт горсовета кое-что смягчили. Смягчили... Немножко резковато у вас получилось. Надо учесть, что Клим Порфирьевич не уважает этого. Н-да... Поэта с порывами пока выбросим. Поэт правильно отобразил. Но то было в другой обстановке. Без учёта особенностей нашего города. Кроме того недостаточно чётко сформулированы задачи. И

нет ничего мобилизующего. Нет призыва к борьбе за повседневную заботу. Сделаем лучше вот так:

«Мы должны, засучив рукава, драться за окружение вниманием и повседневной заботой по линии коммунального обслуживания населения нашего города».

Так оно ясное. А главное, никто не в обиде. Пойдём дальше. Насчёт Куропаткина у вас правильно сказано. Бездельник этот Куропаткин. Но... Знаете что... Не стоит ему уделять столько внимания. Сосредоточим весь огонь на райсоветах. Вот как мы это сделаем:

«На сегодняшний день мы имеем в отдельных звеньях некоторых райсоветов...»

— А дальше, — прервал Воронов редактора, — скажем так:

«...некоторое недопонимание некоторых вопросов благоустройства...»

Тут Сухоручкин радостно воскликнул:

«...какое необходимо поднять на необычайную высоту!»

— Правильно! — потирая руки, отметил редактор. — Правильно. Вот что значит углублённая работа над материалом... Затем у вас сказано очень сухо: «Пора очистить», «Пора навести порядок». И яичного насчёт преград... — Вот как надо, — сказал Воронов и начал декламировать:

«Преодолевая все преграды, мы со всей энергией и прямотой...»

— Вот-вот! Вы правильно поняли мою мысль. Сами и доделайте в этом духе. И категорически подчеркните — тут стеснялся вечного, что надо всемерно крепить чистоту и порядок на всех участках... А дальше вот что... Тут у нас в конце сказано о Зареченском райсовете. Стоит ли противопоставлять один район города другому? Лучше всего напишем так:

«Даннем вперёд дело обслуживания, в каковом ещё наблюдается...»

— А для живости стиля, — вставил Воронов, — напишем дальше так:

«...наряду с целым рядом достижений и целый ряд недочётов».

— Некоторых недочётов, — поправил Трафареткин. — Вот и всё. Получилась интересная статья. А что вы раньше напели, Сухоручкин?

Г. РЫКЛИН

— Почему слон такой мрачный?
— От него жена ушла в цирк и оставила его с носом.

— Почему вы всё время стоите на одной ноге?
— Вот уже второй месяц, как я отдала одну туфлю в ремонт.

ПОДХАЛИМАЖ В КРОВИ
— Тебя учили стоять на задних лапках?
— Нет, я самоучка.

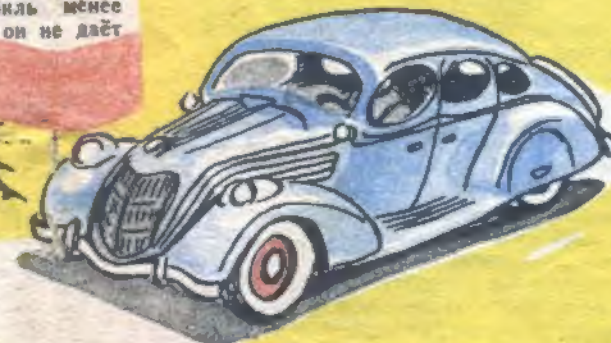
Как у людей.

— Он мне действует на нервы! Пятнадцать лет жила у одного конференсье и теперь каждый вечер талдычит одно и то же.

— А всё-таки автомобиль менее совершенен, чем лошадь: он не даёт навоза.

Воронов

Д. БЕЛЯЕВ

Так вот я и говорю: разные бывают охотники, и разные бывают записки. Некоторые охотники, как например Иван Сергеевич Тургенев, благодаря своим запискам входят в историю, а некоторые — алипают в историю.

— А некоторые мои знакомые, действительно, считают, что я лев!

— Дети, не подходите близко к решётке! У этого человека две судимости!

ЗАПИСКИ ОХОТНИКОВ

РАЗНЫЕ бывают охотники, и разные бывают записки.

Скажем прямо, в тех записках, о которых пойдёт ниже речь, читатель не найдёт ни лирических пейзажей, ни художественных образов.

Но зато эти записки дышат непреодолимой страстью к охоте. Однако надо подчеркнуть, что охотники из Садовского района, Воронежской области, избавлены от того, что называется охотой ради охоты. Попробуйте пригласить их, скажем, поохотиться на вальдшнепов. Куда там — засмеют и очень обидятся! Что толку, скажут, в вальдшнепе, в этой божьей птичке, если она, даже выше средней упитанности, имеет всего-навсего пятьдесят граммов веса и то вместе с потрохами. То ли дело охота на свиней!

— На свиней?

— Ну да, на свиней. Свинья, братец ты мой, — это, как сказал поэт, бесомо, зримо, и хотя грубо, но зато жирно.

— Но... кажется, свиней стрелять не принято?

— А зачем же их стрелять? Мы и не стреляем. Мы без стрельбы охотимся. Тихо, благородно — ни дыма, ни огня, а сами убаглато-ревы, и родные, знакомые не обижаясь.

Что верно, то верно: родным и знакомым нет оснований обижаться на садовских районных

охотников. В доказательство этого приведём некоторые из многочисленных записок этих охотников, адресованных председателю колхоза имени Луначарского Шубину:

«Алексей Кузьмич, принимай гостей. Будь добр, дай им одного поросёнка и выйми кое-что из продуктов — масла, пшена и мукины. С приветом главный агроном райзо А. Вельченко».

«Правлению колхоза им. Луначарского. Отпустите тов. Перепелице 2 поросёнка по 25 рублей. Заврайзо Смотров».

«Алексей Кузьмич! По распоряжению Тихона Данилыча и тоа. Смотрова отпусти по двойке поросат. Эти поросята начальнику станции. Анна».

А так как поросята хотят кушать, то: «Алексей Кузьмич! Тихон Данилыч просия выписать по килограммов 25—30 жмыхов для работников района».

А так как кушать хотят не только поросята, то:

«Садовское райзо просит отпустить для бухгалтеру ветушастка 16 килограммов ячменя».

«Прошу вас отпустить для работников райсполкома пшена 30 килограммов, масла растительного 80 килограммов, муки ржаной 60 килограммов в счёт расчёта».

А так как в райсполкоме не только хотят кушать, но и хотят иметь подсобное хозяйство, то:

«Тов. Шубин! Прошу вас отпустить 3 центнера семенного овса для посева подсобного хозяйства».

Летят и летят записки охотников до чужого. Летят с приветом и без приветия, с датой и без даты. Течёт и течёт колхозное добро направо и налево.

— Вы что же это? Заглаза крыли директора, а на собрании расхваливали.

— А я, видите ли, не люблю повторяться.

Ф Л Ю С

ВНИМАНИЕ командированного товарища, вновь прибывшего в город Старобельск, Ворошиловградской области, неизменно привлекает фундаментальная вывеска, венчающая одно из зданий на центральной улице. На вывеске солидными литерами изображено:

Контора гости-
ницы

Сладостно улыбувшись в предвкушении желанного ночлега, командированный товарищ с полуфитровым чемоданцем в руках входит в помещение конторы, занимающей целый дом. Здесь властвует монументальный стиль столичного учреждения. В табачном дыму стреляют счёты, верещит телефон, деловито снуют курьеры с кипятком, из кабинета директора доносится руководящий басок, — одним словом, бурлит деловая жизнь как таковая.

Несколько оробев, приезжий решается, наконец, оторвать от государственных занятий одного из служащих и почтительно задаёт вопрос:

— Нельзя получить номерок?

— Нельзя, — охотно соглашается служащий, удалённо аскидывая глаза на бестактного просителя. — Всё, братец, занято.

Приунывший товарищ на всякий случай идёт в гостиницу, — авось, знаете, на месте перспектива прочистится. Самая гостиница, оказывается, занимает маленький домик рядом. На пыльном фикусе висит табличка: «Номеров не бывает». И тут выясняется, что в гостинице, имеющей столь величественную и шикарную контору, насчитывается всего... семь номеров.

— Нельзя ли у вас переночевать? — вкрадчиво шепчет приезжий старику-сторожу.

— Милый! — сокрушённо шамкает старик. — С дорогой бы душой! Да только местов нет. Контора, чай, цельный дом заняла, а мы уж тут по-всякому исхитряемся. Над койками даже таблички вывешиваем: «Товарищ, будь сознательным! Спи скорее — другому подушка нужна».

— А я, дедушка, быстрее быстрого! — лебзпит приезжий. — Со всех ног спать буду!

По скромным подсчётам, на каждого приезжего в Старобельской гостинице приходится трое служащих в конторе, которые с утра до ночи производят сложные расчёты по «человекокойке», пишут приказы, издают «правила внутреннего распорядка», произносят зажигательные речи о внимании к постояльцам и т. д. и т. п.

Сногсшибательный старобельский стиль не чужд и самому областному центру — Ворошиловграду. В городе функционирует баня. Но ошибочно думать, что управляется она заведующим. Что за крохоборчество и ограниченность! Единственной баней руководит специальный банный трест (вот как!), штат которого чуть ли не превышает число посетителей бани. И тут на каждую «человекошайку» приходится бухгалтер или товаровед, определяющий, повидимому, кондиционное качество воды и сортность пара...

Имеется в Ворошиловграде и пивоваренный завод. Прямо скажем, завод не ахти какой гигант: рабочих на нём тридцать три человека! Зато служащих — двадцать пять! Это чудовищное вздутие, этот односторонний штатный флюс не вызывает ничего внимания.

Даже в такую унылую отрасль, как похоронное дело, в Ворошиловграде сумели внести юмор и своеобразный шик. До недавних пор захоронением усопших занимались обычные похоронные бюро. Но досужие умы сочли это узким и мелким провинциализмом. Несмотря на резкое снижение смертности, в Ворошиловграде организованы, помимо указанных бюро, специальные тресты похоронных предприятий. А в них опять-таки товароведы(?), бухгалтеры, отделы сбыта и даже плановый отдел!

Все мы живо помним необычайное учреждение, выведенное в «Золотом телёнке» и носившее роскошное название: «Контора по заготовке рогов и копыт». Под этой легендарной вывеской скрывалась кормушка для квалифицированных бездельников. Нечто от этой мифической конторы, некий родственный душок, имеется и в конторе старобельского отеля и в неподражаемом банном тресте.

Не пора ли ворошиловградским руководителям перестать сорить государственными деньгами и распрощаться с плановками, планирующими покойников, и товарами, изучающими качество мыльных пузырей в местной бане!

Братья ТУР

Когда весы в ремонте...

СМЕШНАЯ ФАМИЛИЯ

Каких фамилий только нет:
Гольяшкин, Палкин, Глупов,
Лентяев, Тряпкин, Дармоед,
Пупков и Перепупов!

В фамилиях различных лиц,
Порою нам знакомых,
Звучат названия рыб и птиц,
Зверей и насекомых:

Лисичкин, Раков, Петушков,
Селёдкин, Мышкин, Тёлкин,
Мокрицын, Зайцев, Мотыльков,
Бобров и Перепёлкин!

Но может некий Комаров
Иметь характер львиный,
А некий Барсов или Львов —
Умилко комариный.

Бывает, Коршунов иной
Синичкина боится,
А Мотыльков слышит свинный,
А Петушков — лисицей!

Блохин фамилию сменил —
Алмазовым назвался,
Но, в основном, ослом он был —
Ослом он и остался!

А Пушкин, Глинка, Пирогов
Прославились навеки!
И вывод, стало быть, таков:
Всё дело — в человеке!

С. МИХАЛКОВ

ПРОСЬБА ИНЖЕНЕРА КАЗАНСКОГО

Инженер Казанский — главный инженер Ставропольского краевого коммунального отдела. Он же, Казанский, заместитель заведующего красным коммунальным отделом.

На своём служебном бланке тов. Казанский дал своему подчинённому — заместителю заведующего Кисловодским горкомхозом Рыбичеву — такую срочную директиву:

«Борис Иванович!

Прошу вас выехать в отношении отгрузки в Ставрополь. Я буду сегодня.

Желательно следующее погрузить на автомашину:

1. Поросят — одного
2. Яблок хороших — 50 кг
3. Яблок средних — 300 кг
4. Гусей — 5—6 штук
5. Кур — шт. 10

Пусть это всё оформляют на меня, т. е. всех не удовлетворить.

С приветом Б. Казанский.

Охотно выполняем просьбу инженера Казанского и «оформляем» всё на него. Надеемся, что читателей Крокодила это вполне удовлетворит.

НОВОСТИ СПОРТА

Недавно, впервые в истории спорта, состоялась грандиозный пробег шоферов без автомашин по маршруту Тула—Москва и обратно.

Инициатором и вдохновителем этого небывалого зрелища был начальник Центрозаготзерна тов. Горбунцов.

Это он, Горбунцов, послал в Тульскую контору Заготзерна телеграмму следующего содержания:

«Немедленно суточный срок командировать в Москву сто шоферов для получения автомашин...»

Наскребли кое-как шестьдесят пять шоферов и срочно дали им старт. Благополучно финишировав в Москве, участники гонок предстали пред ясными очами тов. Горбунцова.

Обрадовался Горбунцов прибывшим шоферам, как родным детям. И без всякой проволочки и волокиты отправил их обратно в Тулу, так как никаких машин в наличии не оказалось.

Результаты состязаний оказались следующие: 21 тысяча рублей командировочных; простой автомашин (от которых были оторваны 66 шоферов) — 64 тысячи рублей. Итого 85 тысяч руб. — не в пользу государства. Физкультура тов. Горбунцову!

ПОСТАНОВКА С ПЕРЕЖИВАНИЯМИ

До сих пор было известно, что «Сильва» — весёлая оперетта. Однако это не совсем так. В московском клубе «Каучук» она трактуется как жуткая драма.

Постановщики и актёры Первого московского гостеатра музыкальной комедии приложили много стараний, чтобы развеселить публику. Но администрация клуба сделала всё, чтобы зрители получили минимум удовольствия.

Так например большую половину первого акта не удалось услышать, так как в зрительный зал беспрерывно впускались опоздавшие. Буйная ватага контрамарочников заняла места законных владельцев, и администрация палец о палец не ударила, чтобы навести порядок. В результате люди, имевшие билеты, жались по стенкам. Вешалку обслуживали только два гардеробщика. Поэтому ещё задолго до конца публика начала покидать зрительный зал. Так что развязка оперетты наступила гораздо раньше, чем это предусмотрено в либретто.

Бедная, бедная Сильва! Мало ей личных переживаний из-за Эдвина, а тут ещё такие неприятности!..

— Что с тобой? Ты плохо себя чувствуешь?

— О, нет! Просто я не могу спокойно смотреть на то, что женщинам приходится стоять.

ОТРЫВКИ ИЗ НЕНАПИСАННОГО

Календарь вышел с запозданием: издательство не выполнило своего календарного плана.

Витамины «А»... витамин «Б»... витамин «Ц»... Дети учились азбуке по витаминкам.

Горечь жизни приходится иметь без облаков.

Гомеопаты — это малоформисты медицины.

Смотрят все, видят немногие.

Это была не драка, а бокс, это были, так сказать, дружеские кровозаияния.

Если уж метать икру, то только чёрную.

Смотрел на её девичью фотографию и не без грусти думал, что эта куколка уже превратилась в бабочку.

Неприятные телеграммы всегда приходят без опоздания.

Лев так привык к многолюдству зоопарка, что считал годы, проведённые в пустыне, понапрасну потерянными.

И рояль иногда плохо настроен.

Он начал сидеть с воротника. С бобрового, конечно.

М. ЯКОВЛЕВ

ОДНАЖДЫ...

ТОЧНЫЙ АДРЕС

Однажды литератора Гиляровского (дядю Гиляя), вышедшего на прогулку, обступили, по своему обыкновению, извозчики:

— Куда прикажете?..

— Ты знаешь ли тот край, где апельсины зреют?! — шутливо декламируя, обратился к извозчикам дядя Гиляя.

— Не можем знать! — закричали хором извозчики.

Дядя Гиляя продолжал декламировать:

— ...где в зелени густой блестит золотой лимон... Туда, туда...

— Извольте, доведу! — прервал писателя один из лихачей. — В фруктовый магазин на Тверской... Пожалте-с!..

— Пантелеев, Панфилов и Пивкратьев...

— А зачем русских людей в панов превратили?! — закричал наместник. — Пан Телеев, пан Кратьев... Впредь приказываю именовать их господин Телеев, господин Кратьев и господин Филов.

ЦЕННАЯ НАХОДКА

Однажды в «Калужских губернских ведомостях» появилось следующее объявление:

«В Н-ском уезде, по большой калужской дороге, найдены неизвестно кому принадлежащие арестантские кандалы. Н-ское полицейское управление вызывает владельца с ясными на принадлежность их доказательствами».

РУССКИЕ «ПАНЫ»

Однажды наместнику Царства Польского Константину Романову представлялась в Варшаве местная знать:

— Пан Радзивилл!.. Пан Залеский!.. Пан Потоцкий!..

После представления польских магнатов явились русские дворяне:

ЖИЗНЬ И СЦЕНА

Однажды театральный антрепренёр Савини упрекал артиста Самарина:

— Вчера в роли Отелло вы умирали как-то неестественно...

— Я сам этому удивляюсь, — ответил Самарин, — казалось бы, при том жалованье, которое я у вас получаю, нетрудно умереть естественной смертью...

БЕСЦЕННАЯ ВЕЩЬ

Рис. К. Ежосова

- Хороший шкаф?
- Замечательный.
- А сколько стоит?
- Не могу сказать. Ярлык с ценой лежит в ящике, а его открыть нельзя.

Дорогой Крокодил

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Если тебе доведётся развезжать по Кировской области, смело заезжай в город Слободской, в Дом колхозника. Твоё пребывание там будет обставлено с максимальным комфортом и удобствами.

Одно только маленькое предупреждение: не забудь захватить с собой некоторые мелочи: подушку, простыню, одеяло, свечу, чайник, примус и немного дров.

А всем остальным, благодаря заботам директора дома тов. Алеванских, ты будешь обеспечен полностью.

С. ЛИНОВ

г. Киров.

Дорогой Крокодил!

Поздравляю тебя и твоих читателей с Новым, тысяча девятьсот сорок шестым годом! Не удивляйся, если одновременно с этим письмом к тебе из нашей части начнут поступать поздравительные открытки «С Новым 1946 годом!»

Не приписывай, пожалуйста, это странное обстоятельство забывчивости или рассеянности наших бойцов и офицеров.

ПЛОХОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ

Рис. А. Важенова

- Ты наблюдал лунное затмение?
- Конечно, нет. Назначили его на четыре часа утра, когда все люди спят.

Всё объясняется гораздо проще: несколько дней назад изолетка военторга завезла к нам в неограниченном количестве прошлогодние поздравительные открытки.

Так что поздравь от своего имени, дорогой Крокодил, деятелей военторга с новым, тысяча девятьсот сорок шестым годом (пишу нарочно прописью, чтоб не перепутали!) и пожелай им в новом, тысяча девятьсот сорок шестом году более четкой работы.

Н. СЕВАСТЬЯНОВ,
гвардии капитан

Полесая почта 77840

Уважаемый Крокодил!

Обращаю твоё внимание на неповоротливость днепропетровских организаций. У них налицо все данные, чтобы создать у себя интересный музей занимательной техники, а с открытием музея чего-то медлят.

Экспонаты для музея давно подготовлены. Председатель промартеля «Красный металлист» тов. Бублей решил экспонировать 15 512 ложек оригинальной конструкции, ложки гнутся при малейшем прикосновении. Им легко можно придать форму любого кондитерского изделия — кренделя, баранки.

Директор Красногвардейского промкомбината тов. Калинин выставит в музее 550 мышеловок, которые не захлопываются.

Председатель артели «Освобождённый труд» тов. Усс изготовил специально для музея 200 пар дамской цветной обуви: верх — чёрный, а каблук — белый, некрашенный.

Пользуясь 250 литрами чернил водянистого цвета, изготовленными артелью «Химик», посетители смогут волю излить свои благодарственные отзывы.

А. ЗАСУХА,
старший государственный инспектор
по торговле

Киев

Дорогой Крокодил!

Вероятно, широкие массы не знают о том, что в Москве существует «Бюро новой техники». А между тем деятельность бюро нынешней зимой ознаменовалась новым мероприятием в области техники, замолчать которое было бы непростительной ошибкой.

Вкратце, это мероприятие состоит в следующем. Одна часть инженеров и техников зашла пилой в дом и вывозкой заны из котельной. Другая часть персонала регулярно отлучается в специальных ведомостях график температуры в помещении бюро, которая в несколько раз ниже, чем это установлено Моссоветом. А весь коллектив в целом, дрожа от холода, мечтает о том, что будущей зимой отопительная система будет исправлена и в бюро станет теплее.

Однако, как заявляет обычно хорошо информированный главный инженер Тетякин, «не только в этом, но и в будущем году мы будем мерзнуть».

О чём мы и ставим в известность нашу клиентуру.

По поручению сотрудников
Д. ГУШИН,
председатель цехкома

Москва

Уважаемый Крокодил!

Вагон топлива, адресованный на имя Наркома Казахстана Казахской ССР, случайно был разгружен Казахским управлением Главснаблеса. Вполне понятно, что Управление удержало в свою пользу часть топлива за разгрузку. Менее понятно, почему оно удержало ещё 6 процентов за «естественные траты». И уж совсем непонятно, почему оно присвоило себе ещё 25 процентов за... «пыль».

ОБЕЩАЕТ ИСПРАВИТЬСЯ

Рис. В. Фридкина

- Посмотрите, подмётки совершенно целые, а верх развалился.
- Да что вы! Придётся в следующий раз поставить подмётки похуже.

Пускать пыль в глаза принято считать предосудительным действием. Но бывают и исключения. Томимые любопытством, мы хотели бы лицезреть таинственную пыль, увековеченную в счёте управлением Главснаблеса. Пусть бы оно управления пустило эту пыль нам в глаза. По крайней мере, мы узнали бы, за что с нас содрали четверть вагона топлива.

Л. ГУЛЯЕВ,
заместитель наркома лесной
промышленности Казахской ССР

Алма-Ата

Товарищ Крокодил!

Будучи в Москве, зашёл я в универсализ и увидел там игрушку — заводную кошечку. Кошечка мне очень понравилась. Особенно меня растрогало то, что на коробочке стояла марка завода — № 835. «Игрушки» этого завода я на фронте очень любил. Они такого жару поддавали фрицам!

«Молодцы!» — подумал я о рабочих завода. — Быстро перестроились.

Домашняя игрушка произвела фурор. Ребятишки ей очень обрадовались.

Кошечка на колёсиках по полу катается, а я жене завод так нахваляю, как будто я коммерческий директор.

У игрушки что-то внутри хрустнуло — колёсико в угол закатилось, и хромая она уткнулась мордочкой в пол.

Хочется рассказывать, какой механик!

Недаром же его хватало

уж мне перед женой

орит. — Ты нахваливал завод, а я ую дрянью делаю.

Нельзя ли так сделать, чтобы солидных людей игрушки не подводили?

С. ГЕРАСИМОВ,
инженер-майор

платформа Чкаловская,
Ярославская ж. д.

УСЛОВНЫЙ РЕФЛЕКС

Рис. Г. Вальми

- А сейчас ездайте налево.
- Спасибо! Я за это уже год отсидел.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКОВЫ (М. КУПРИНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются.

Адрес ред.: Москва, 48, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-41. Прием ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 20 коп. в месяц.

Изд.-во ЦК ВКП(б) «Правда»

Москва

Изд. № 928.

Подп. к печати 7/1 1946 г.

Статформат 72х106 см.

Печ. л. 1 1/2.

Кол. экз. в 1 пач. л. 78 000.

А 01907.

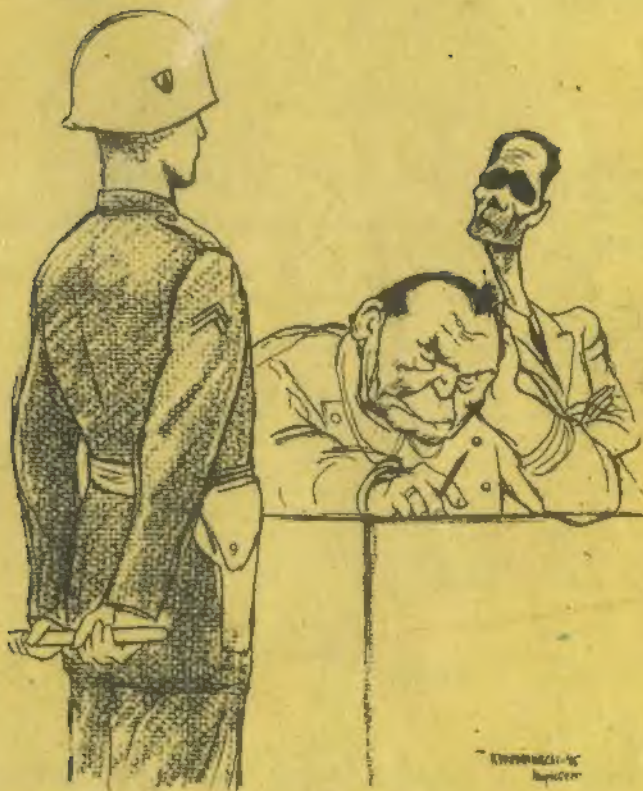
Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Заказ № 2883.

Тираж 150 000 экз.

На процессе и вокруг

НЮРНБЕРГСКИЕ ЗАРИСОВКИ ХУД. КУКРЫНИКСЫ

Их последнее «жизненное пространство».

Подсудимым Деницу, Редеру и Франку не нравится слишком яркое освещение в зале суда. Они боятся испортить глаза. Тёмные очки сэкономят им зрение для того, чтобы лучше разглядеть верёвку.

Защитники. Последняя (тоже ненадёжная) линия обороны.

Устроители «нового порядка» наводят порядок в тюремном дворе.

От греха подальше. Немецкие обыватели далеко обходят здание суда.